

УДК 1(091)+ 1(470)

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ МЫСЛИТЕЛЯМИ СБОРНИКА «ВЕХИ» (1909)

Стокалич И.С.

На основе исследования концепций преобразования общества, данных в статьях авторов сборника «Вехи», переосмысливаются проблемы революционного и эволюционного путей социального реформирования, роль интеллигенции в этих процессах. Показывается, что дореволюционная интеллигенция неоднородна по целям, которые она перед собой ставит, решая по сути одну и ту же задачу проведения социальных реформ. Автор подчёркивает, что в социально-философской мысли России сборник о русской интеллигенции «Вехи» может служить образцом философской критики состояния общества.

Ключевые слова: *самосознание интеллигенции, революция, реформирование общества, героизм, подвижничество, православная культура.*

Предметом исследования являются концептуальные подходы к проблеме преобразования общества, данные в статьях Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, Б.А.Кистяковского, С.Л. Франка и др. участников «сборника статей о русской интеллигенции «Вехи»» (1909 г.). **Цель** статьи – на основе критической оценки философов-«веховцев» социальных воззрений российской дореволюционной интеллигенции актуализировать тему реформирования общества, переосмыслив причины формирования революционного и эволюционного путей социального развития.

В историю философской мысли сборник «Вехи» вошёл не просто как один из исторических документов, свидетельствовавших о событиях первой русской революции 1905-1906 гг. и первой попытке философского обобщения опыта революционного развития событий в политической истории российского XX века. Если говорить об этом альманахе с точки зрения историко-философского познания, то здесь мы имеем дело с одним из первых образцов философской критики современной истории [1, с. 4]. Если же иметь в виду, что непосредственными причинами написания сборника послужили конкретные исторические события, то следует заметить, что авторы прежде всего попытались критически оценить мировоззренческие убеждения революционной части тогдашнего российского интеллектуального сообщества, исходящего из признания «безусловного примата общественных форм» [2, с. 23]. Их критики, авторы «Вех», принадлежащие также к интеллигенции, исходили в своём понимании призвания интеллигента из другого основания, можно сказать, прямо противоположного. Как свидетельствует М.О. Гершензон, инициатор написания этой книги, у её авторов

было много разногласий по вопросам религиозным, мировоззренческим, практическим, но их общей платформой являлось «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» [там же]. То есть, «Вехи» – результат в определённой степени столкновения двух позиций, исходящих в понимании социальной действительности из приоритетности «духовной культуры» и «политики». Полемика развернулась вокруг вопроса, а что может быть более надёжной основой реформирования общества – политические действия или подвижническая творческая деятельность на уровне культуры, «революционный» вариант разрешения существующих социальных противоречий или «эволюционный»; всегда ли политические решения, особенно использующие радикальный путь реформирования общества, являются единственно возможными и правильными?

Отвечая на эти непростые вопросы, стоящие по сути дела перед каждым реформатором, «веховцы» поставили перед собой задачу в оценке социальной действительности и деятельности интеллигенции, направленной на разрешение проблем тогдашнего российского общества, занять надкорпоративную позицию, как бы исключая себя из интеллигентского сообщества, но только для того, чтобы на тенденции социально-политического развития страны мочь посмотреть несколько «со стороны», тем самым честнее оценить и свою собственную позицию. Доказательством такого подхода служат слова Н.А. Бердяева: «В данный час истории интеллигенция, – пишет он, – нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике. К новому сознанию мы можем перейти лишь через покаяние и самообличение» [3, с. 30]. Иначе говоря, «Вехи» представляют собой своеобразный публичный диалог интеллигенции с интеллигенцией же. Если оценивать эту установку с позиций нынешнего времени, то этот интеллектуальный опыт может служить примером утверждения в обществе культуры диалога как важнейшего инструмента социально-политической деятельности и главного условия гуманного, цивилизованного развития института государства. Предметом же этого «диалога» в ситуации предчувствия мыслителями грядущих революционных событий закономерно становились концепции универсальной истории, условия прогресса, вопросы определения места государства в общественной жизни, уровня правосознания российского общества, проблемы воспитания и образования, понимания политической культуры, критической оценки популярных политических доктрин, таких как консерватизм, либерализм, классический марксизм, марксизм «русский». Эти и другие вопросы пристально рассматривались «веховскими» авторами. Остановимся на некоторых из них, но прежде подчеркнём, что слово «веха», давнее название сборника, выбрано неслучайно, так как обозначает оно не только определённую метку, но и «шест для указания пути», «важный момент», «этап в развитии» [1, с. 23].

Итак, социально-исторический контекст создания рассматриваемой работы связан был с тем, что в начале нового, двадцатого века в российской истории произошли глубинные потрясения: монолит царской власти, основы империи были поколеблены революционными событиями 1905 года, когда страшные видения и

предсказания Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, казалось, начинают сбываться. Пролилась человеческая кровь и многие почувствовали, что зверь апокалипсиса показал свой звериный оскал. Революция со всей присущей ей безудержной силой, долгие годы вынашиваемая в умах определённой части русской интеллигенции, в конце концов, стала реальностью, но воплощение это было подобно раскрытию бездны, освободив силу народной ненависти к правящим классам, причём более, нежели к самой царской власти. Оценивая последствия революции, С.Н. Булгаков писал: «Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от неё ожидали. <...> Русское общество, истощённое предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления... Русская гражданственность, омрачаемая многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительно назад. Русская литература залита мутной волной порнографии и сенсационных изданий» [4, с. 43]. Разрушение, таким образом, оказалось настолько сильным, что уроки революции, довольно легко подорвавшей «жизнеспособность гражданственности» (С.Н. Булгаков), необходимо было усвоить. Ключевым событием в умозрительной и духовной жизни России в этом отношении стало откровение представителей интеллигенции в виде публикации «Вех».

Тема интеллигенции является в сборнике ключевой. Многие оценки в принципе совпадали. М.О. Гершензон, из многих грехов, вменяемых русской интеллигенции, выделяет прежде всего её увлеченность крайними, односторонними, внешними по отношению к своей личности взглядами, но ведь «нельзя человеку жить вечно снаружи, что именно от этого мы и больны субъективно и в действиях бессильны. Вся работа сознания или действительно направляли вон из себя, на внешний мир, или делали вид, что направляют туда» [5, с. 86]. Такое негативное отношение интеллигента к самому себе и обществу во многом формировалось под влиянием западных идей, которые, тем не менее, в своём чистом виде никогда в Европе не вплетались непосредственно в политическую ткань западного общества. В России же всё обстояло иначе. Причину этого Гершензон видит в оторванности интеллигенции от духа народного, традиционно связанного с православной культурой, при страстном желании служить народу. Это обстоятельство находило выражение в нелепых хождениях «в народ» с целью проповедования чуждых в своей основе народу идей переустройства общества, заимствованных у «просвещенного» Запада. Такой разрыв народного самосознания и интеллигентского таким образом понятого призвания закладывал «трагичность» в оценку положения интеллигенции. Философ находит для этого, на наш взгляд, удачный образ. По мнению М.О. Гершензона, интеллигенция подобна в своей жизни локомотиву, далеко оторвавшемуся от поезда. Так редактор «Вех» охарактеризовал раздвоенность русской интеллигенции, одновременно живущей в двух мирах: в одном из них, чувствуя общественное призвание, интеллигенция все свои силы, возможности, вплоть до самопожертвования, потери здоровья, а иногда и жизни, направляет на реализацию идей, на достижение избранных идеалов, а вот в делах

житейских наблюдается полная безалаберность, отсутствие элементарной самодисциплины, что приводит к неустроенности в быту и личной жизни.

Об отсутствии у революционной части интеллигенции критического отношения к идеям говорит и Н.А. Бердяев, по словам которого «высокую философскую культуру можно было встретить лишь у отдельных личностей, которые тем самым уже выделялись из мира “интеллигентщины”» [3, с. 25]. В целом же отношение к философии, вырабатывающей способность к критике, в среде интеллигенции было «малокультурное», что проявлялось в «склонности оценивать философские учения и философские истины по критериям политическим и утилитарным» [3, с. 30]. В работе «Философская истина и интеллигентская правда» мыслитель ставит перед собой задачу раскрыть гностическую суть кризиса. Одним из факторов приверженности русского интеллигента к разрушающим основы общества нигилизму и народолюбию Бердяев считает нежелание освоить те знания, на которых, по сути, зиждется его интеллигентская «вера», формируются убеждения революционного сообщества. Речь идёт, конечно, о философии, философии западной, прежде всего, немецкой. Проблема же заключается в том, что в силу своей приверженности народолюбческим взглядам, даже те произведения, которые считались основополагающими и на которых базировались взгляды русских революционеров, изучались поверхностно. Те же, кто задавался трудом осваивать философскую литературу, как показывает Н.А. Бердяев, не всегда до конца понимали сути прочитанного, но выбирали и останавливали своё внимание на тех местах, которые более подходили и соответствовали духовным вкусам революционной публики. Философ приводит примеры того, что само занятие философией как наукой, её тщательное изучение порицалось в интеллигентском сообществе, так как не предполагало непосредственную заботу о народном счастье. Градация на то, что допустимо и что недопустимо, происходила следующим чином. Если идея соответствовала проблеме распределения и равенства, то она принималась на веру абсолютно. Если же в центре философии стояли творчество и ценности, то к таковой относились подозрительно. Целью проявленного к этой традиции интереса было одно – изобличить. Поэтому многие сторонники революционного движения воздерживались от занятий философией, считали это делом безнравственным, не служащим разрешению актуальных социальных проблем. Как свидетельствует Н.А. Бердяев, такое заблуждение доходило вплоть до запрета чтения книг, жажда просвещения могла быть порицаемой. Подобное политическое мракобесие сродно с ересью византийских монахов-гносиномахов, искренне считавших, что изучение наук, а также и богословия отдаляет человека от Бога.

Ситуация, на первый взгляд, изменилась, когда в 90-х годах XIX ст., как свидетельствует Н.А. Бердяев, началось увлечение марксизмом. Описанное выше заблуждение интеллигенции сменилось страстным увлечением марксизмом, а вместе с ним и тягой к научным книгам и знаниям. На смену Михайловскому пришел Бельтов-Плеханов, которого сменили Авенариус и Мах [см.: 3, с. 28-29], но, к сожалению, марксистские победы над народничеством не изменили «веры» русской интеллигенции. Она всё также оставалась по сути своей староверческой и народнической и лишь по виду облачалась в марксистские одеяния. Марксизм был искажён, в русском варианте это учение перетолковывалось под влиянием

мировоззренческих особенностей самой русской интеллигенции. Поэтому, упоминая в своей статье труды П.Б. Струве, Бердяев хотя и говорит о положительном эффекте, здоровом зерне, имеющемся в объективно-научной основе марксизма, тем не менее, считает, что экономический материализм и социальный марксизм на русской почве был воспринят превратно, совершенно чуждым содержанию «Капитала». Экономический материализм в умах русской интеллигенции утратил свой объективный характер, производственно-созидательный момент был отодвинут на второй план, а на первый план выступила субъективно-классовая сторона данного учения. Отсюда «русским марксизмом», несущем в себе печать явления «интеллигентщины» (термин Бердяева) овладела исключительная любовь к равенству и вера в скорое достижение социализма в России, причём, гораздо раньше, нежели на Западе. Объективные основания такой возможности никого не интересовали. Оставалось только страстно желать этого, гадать, что же собой будет представлять будущий строй. Вопрос же о том, способна ли страна без «великих потрясений» перейти к новому обществу, государственному и экономическому строю, становился не вопросом теории, а вопросом революционной практики. Социальная революция отождествлялась с политической и в основе этого процесса лежали прежде всего прагматические установки русских революционеров. Интересно, что именно этот аспект подчёркивает в своём анализе феномена русского марксизма и современный исследователь, профессор Туринского университета Даниэла Стейла. По её словам, «Прагматизм вызвал особый интерес у русских марксистов. Согласно Струве, этого и следовало ожидать, поскольку экономический материализм, “основа новейшего так называемого научного социализма, есть в существе своём особливая разновидность прагматизма” <...>. Оба – и экономический материализм, и прагматизм – на деле подчёркивали ведущую роль личных (или классовых) интересов в человеческих отношениях» [6, с. 130]. В целом же, и тут Бердяев прав, доминирование материализма и прагматизма в среде революционеров свидетельствовало об отсутствии серьёзного интереса к философской культуре, культуре метафизического мышления.

Такая позиция в отношении к философии приводила к характерной эклектике русской революционной мысли, которую прекрасно иллюстрирует Бердяев на примере использования в пропаганде идей Маркса, Авенариуса, Ницше. В частности, философ указывает, что Ницше, одинокий ненавистник всякой демократии, даже не подозревал, каким образом его философия будет применена к созданию теоретической платформы русской революции. Умы прогрессивно настроенной интеллигенции питались «винегретами», состоящими из разных идей, где главным было не понять, а победить. В этом стремлении свергнуть русскую монархию и подчинить этой задаче все другие социальные вопросы Бердяев видел тупиковое развитие, так как считал, что настоящее зло находится в совершенно иных сферах русской жизни. Речь идёт прежде всего об отсутствии духовной платформы для социальных преобразований. Культура интеллигенции как главного двигателя реформирования общества желает быть лучшей: Николай Александрович указывает на полное забвение в среде интеллигенции к мыслителям такого калибра как П.Я. Чаадаев (почитаемого, но мало понимаемого революционной публикой), на полное равнодушие со стороны интеллигентских кругов к личности и трудам В.С.

Соловьёва, подлинно национального философа, на достаточно недоверчивое отношение к Л.Н. Толстому. Говоря о русской философии, Бердяев указывает на продолжение в ней философских традиций греческих и германских, на присутствие идей Платона и духа идеализма, подчёркивает, что начиная с А.С. Хомякова русская мысль несла в себе в течениях онтологического реализма, конкретного идеализма чётко выраженный религиозный аспект. Сохраняя идею Абсолюта как критерия духовно-нравственного измерения бытия, отечественная традиция могла бы быть альтернативой социальным вкусам русской интеллигенции. В качестве примера Бердяев апеллирует к учению С. Трубецкого, в котором идея соборности толкуется автором как метафизический социализм. В русской философии заложено стремление к целостному мирозерцанию, органическому слиянию истины и добра, знания и веры. Внутренние установки русской интеллигенции в этом отношении близки к идеям русской философии. Поэтому ориентация на отечественную культуру может стать, по мнению Н.А. Бердяева, основой национального творчества и условием критической оценки интеллигентской средой различных модных западных учений. Кроме того, в философии Соловьёва, Трубецкого мыслитель видит развитие универсальной общеевропейской и общечеловеческой философской традиции, считает их лучшими представителями европейской мысли, «лучшими европейцами», нежели Богданов и Луначарский.

Статья С.Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» раскрывает не только «религиозную природу русской интеллигенции», что подчёркивается полным названием этой работы, но и даёт обоснованную теоретически классификацию типов русской интеллигенции. Философ предлагает отличить собственно интеллигенцию от тех, кто, не являясь таковой, в сущности лишь примеряет на себя её мундир, пребывает в духовной пошлости, что выражается в призрении ко всем остальным, как людям, безусловно, низшим, с которыми поэтому можно не считаться. Особенно ярко данное качество русской интеллигенции было изображено Ф.М. Достоевским в его романах «Братья Карамазовы» и «Бесы». Как говорит С.Н. Булгаков, для общества властителей дум непременно нужно было быть атеистом, безбожником, хотя «в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, иногда приближающиеся даже к христианской» [4, с. 47], в частности, интеллигенции свойственны «прекраснодушие», «мечтательность», но и утопизм, «недостаточное чувство действительности», оторванность от жизни, «неизменная готовность на жертвы». Революционная интеллигенция, затрагивая вопросы религии, как правило, ограничивалась лишь их критикой, не давая себе труда овладеть хоть какими-то знаниями о православии. Вот и получается, что интеллигенция не переносит, к примеру, само слово смирение, а по христианской традиции, принятой народом, смирение считается наибольшей добродетелью. Именно в этом – отчуждённости интеллигенции от духовных корней собственного народа мыслитель видит нравственную ущербность и причину заблуждений интеллигенции.

С.Н. Булгаков выделяет два возможных варианта деятельности интеллигента, которые можно назвать «героизмом» и «подвижничеством». Им соответствуют определённые типы личности. Чем же они отличаются? Говоря об образе героя-интеллигента, в качестве примера некоторого духовного акта мыслитель указывает на некоторое тождество с героизмом христианского подвижничества. Однако,

отмечает при этом, что и различия имеются существенные, причём, не внешние, а внутренние. Герой в христианской традиции характеризуется как личность, исполняющая замысел Провидения; когда подвижник не выступает сам от себя, он полностью покорен Божьей воле. А вот подвижник-интеллигент, по мнению С. Булгакова, не обращая большого внимания на своё внутренне созерцание, но пребывая постоянно в состоянии осознания исполнения долга, всё время находится вне себя, пронизан духом спасителя мира, в результате чего гордыня и нравственное умопомрачение становится неотъемлемым его атрибутом. «Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности, – пишет Сергей Николаевич, – в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. Героизм – вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожения» [4, с. 55].

Философ указывает по сути на двойственность героизма, возможность его проявления в отрицательной и положительной формах, в связи с чем он пишет: «Подъём героизма в действительности доступен лишь избранным натурам и притом в исключительные моменты истории, между тем жизнь складывается из повседневности, а интеллигенция состоит не из одних только героических натур» [4, с. 62-63]. Отсюда без подлинного героизма и возможности его проявления героизм превращается, по мнению философа, в аморальную претензию, демонстрирующую «дух героического ханжества и безответственного критиканства» [4, с. 63]. В оппозицию именно к такого рода героизму Булгаков выделяет феномен подвижничества, христианского толка подвижничества, которое есть «прежде всего максимализм в личной жизни, в требованиях, предъявляемых к самому себе» [4, с. 69]; «непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего я, аскеза духа. Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь, напротив, нормой является ровность течения, «мерность», выдержка, неослабная самодисциплина, терпение и выносливость – качества, как раз отсутствующие у интеллигенции» [4, с. 70]. Такого рода деятельность только и может служить основой, согласно Булгакову, самым разным социальным трансформациям, так как любые преобразования совершаются конкретными людьми – от их терпения или «исторической нетерпеливости» (термин Булгакова) зависит, насколько цивилизованно и комфортно для граждан будут проходить вынашиваемые обществом реформы. Вообще, русская религиозная мысль в лице авторов альманаха «Вехи» стоит на позиции, что не может быть цивилизованного развития общества вне прогресса духовного, являющегося условием и социального прогресса. В этом отношении русские мыслители являются последователями Им. Канта.

По вопросу такого свойства интеллигенции как «религиозность», С.Л. Франк (статья «Этика нигилизма») считает, что ошибочно её предполагать в интеллигентской среде. По его мнению, происходит в такого рода оценках качеств интеллигенции простая подмена понятий и то, что можно было бы принять за религиозность, на самом деле есть фанатизм, демонстрирующий страстную преданность идее, доводящий человека до самопожертвования и великих подвигов. Нравственное мировоззрение русской интеллигенции проистекает из того, что она

«не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые» [7, с. 156]. Непризнание интеллигенцией высших начал, религиозных идеалов оборачивается, согласно Франку, искажением всей жизненной перспективы, что свидетельствует о настоящей трагедии интеллигенции. Истинная религиозность призывает человека к созерцанию высшего мира, верующий человек ориентирован на Абсолют, тогда как нигилизм признаёт ценностно значимым материально-чувственный мир, в котором сам человек абсолютен. Нигилизм меняет ценностные базисы, прежде всего мораль. В нигилистическом мировоззрении отсутствует идеал небесного, рассматриваемый как враждебный, противоречащий морали «земли». Отсюда вытекает ересь в видеобожения самого народа.

С.Л. Франк замечает, что русская интеллигенция нигилистического толка, к его сожалению, не научилась ценить культуру саму по себе. Особенностью русского интеллигента была его отчужденность от культуры как эстетической ценности. Культура имела значение скорее утилизаторское: железные дороги, мосты, уровень народного образования, совершенствования политического механизма для удовлетворения субъективных жизненных нужд и т.д. Народничество с замесом нигилизма, атеизма, практикой аскетического самоотречения, подобно практикам средневековых монахов, не принимало культуры как ценности. Марксизм, родившийся на европейской почве, принёс в жизнь русского интеллигента уважение к культуре. Именно марксизм, подчёркивает С.Л. Франк, объявляет аскетическое самоотречение от высших форм жизни злом, но русский дух народничества со временем ассимилировал и марксизм в систему своих нигилистских воззрений, взяв из него лишь социальное учение. Таким образом, по мнению философа, русский интеллигент с 70-х гг. XIX в. является закоренелым народником – нигилистом, нравственный идеал которого заключён в формуле: Бог есть народ – вере, которой он неизменно придерживался, несмотря на влияние различных политических веяний. Таким образом, не имея веры в Бога, русская интеллигенция верила в некую социальную метафизику, которой она служила фанатично и преданно.

Б.А. Кистяковского беспокоила нацеленность революционеров на такое главное мерило своей деятельности как успех: «успех революции – высший закон» [8, с. 121]. Как философ права он обратил внимание на то, что социальное реформирование целесообразно начинать с правовой реорганизации, целью которой должно стать преобразование власти – «государственной власти из власти силы во власть права» [8, с. 129]. Мыслитель считал важным введение в правосознание граждан, интеллигенции идей «прав личности», «правового государства», но это не может быть волевым решением, для этого необходимо изменение сознания, общественного сознания. П.Б. Струве подчёркивал, что понять современные революционные процессы возможно, обращаясь к истории России, в частности, к той эпохе, которая известна под названием «смуты», так как в её «общем психологическом содержании чувствуется что-то современное, слишком современное...» [9, с. 137]. Он сравнивает революционно настроенную интеллигенцию и её взаимоотношения с маргинальной средой непосредственных исполнителей с незадачливым Прокопием Ляпуновым, поплатившимся жизнью за общее дело с «ворами», олицетворяющими собой во всей полноте анархический

элемент борьбы с государственным порядком. Основной исторической особенностью интеллигенции Струве считает её духовный анархизм, отщепенство от собственного государства и его задач – в этом же и ключ к пониманию революции.

Выводы. Как видим, в статьях альманаха «Вехи» даётся анализ исторического становления такого неоднородного социального явления в России как интеллигенция, заложенного преобразованиями Петра I и ставшего к XX в. духовной сердцевиной общества. Одна часть интеллигенции видела пути общественного реформирования в революционной борьбе за свержение власти, вторая – в подвижнической деятельности, направленной на изменения в сфере общественного сознания – науки, образования, права, культуры – как важнейших условий и социальных трансформаций. По мнению «веховцев», приверженцы революции, исходя из нигилистического мировоззрения, в своей конкретной деятельности демонстрировали неверно понятый замысел социального прогресса. Концепты революционного и эволюционного развития общества на сегодня далеко не исчерпаны, следовательно, варианты преодоления духовного и социального кризисов, намеченные в «Вехах», могут быть рассмотрены в качестве праформы разрешения и современных общественных противоречий.

Список литературы

1. Феномен философской критики в культуре российского Серебряного века (к 100-летию выхода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи») [Текст] / отв. ред.: Аляев Г., Суходуб Т. / Общ. рус. фил. При Укр. фил. фонде; Центр гум. образ. НАН Украины; Инст. фил. им. Г.С. Сковороды НАН Украины. – Полтава : ООО «АСМИ», 2009. – 472 с.
2. Гершензон М.О. Предисловие / М.О. Гершензон // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 22–23.
3. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Там же. – С. 24–42.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С.Н. Булгаков // Там же. – С. 43–84.
5. Гершензон М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон // Там же. – С. 85–108.
6. Стейла Д. Человеческая деятельность и истина: ранние русские марксисты и прагматизм / Д. Стейла // Вопросы философии. – М. : «Наука», 2012. – № 1. – С. 129–143.
Steila D. Human Activity and Truth: Early Russian Marxists Facing Pragmatism. – Helsinki : Institute Aleksanteri (University of Helsinki), 2010.
7. Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) / С.Л. Франк // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 153–184.
8. Кистяковский Б.А. В защиту права / Б.А. Кистяковский // Там же. – С. 109–135.
9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / П.Б. Струве // Там же. – С. 136–152.

Стокалич І.С. Соціальні трансформації: аналіз проблеми мислителями збірника «Вехи» (1909)

// Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 191–200.

На основі дослідження концепцій перетворення суспільства, що дані в статтях авторів збірника «Вехи», переосмислюються проблеми революційного та еволюційного шляхів соціального реформування, роль інтелігенції в цих процесах. Показується, що дореволюційна інтелігенція є неоднорідною цілями, котрі вона перед собою ставить, розв'язуючи по суті одну й ту ж саму задачу проведення соціальних реформ. Автор підкреслює, що в соціально-філософській думці

Російський збірник про російську інтелігенцію «Вехі» може слугувати зразком філософської критики стану суспільства.

Ключові слова: самосвідомість інтелігенції, революція, реформування суспільства, героїзм, подвижництво, православна культура.

Stokalich I.S. Social transformation: the analysis of the problem by thinkers of the miscellanea "Vehy" (1909) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014.– Vol. 27 (66). – № 1-2. – P. 191–200.

This article analyzes the social attitudes and the results of activities of the intelligentsia, which establish the cause of Russian Revolution. Based on the study of concepts of social transformation, the facts in the articles of N. Berdyaev, S. Bulgakov, M. Gershenson, B. Kistyakovsky, S. Frank and other of miscellanea «Vehy» (1909), the author reconsiders the problem of revolutionary and evolutionary pathways of social reform, and the role of intellectuals in these processes. We can see that the pre-revolutionary Russian intelligentsia is varies by aims, which she puts in front of him, deciding essentially the same task of social reform. The contradictory consciousness of the russian intelligentsia most accurately, according to the author, recorded Bulgakov, who indicate a possible alternative way of intellectuals – the heroism and selflessness. In the middle of attention – the traditional spiritual foundations of russian society of orthodox culture, retreat from which provoked a political revolution and its social consequences in the situation of the deep crisis of government and society in many ways. The author stresses that in the social-philosophical thoughts of Russia the miscellanea of russian intelligentsia «Vehy» is a model of philosophical criticism of the state of society, the ideological position of the russian revolutionary intellectual community. Thinkers, the participants of the miscellanea, in its assessment of the social reality and the activities of the intelligentsia took the "over" the corporate view. «Vehy» are a kind of public dialogue of the intellectuals with intellectuals – this intellectual experience can serve as an example of a culture of dialogue as a key condition of the humane the development of society. The ways to overcome the pre-revolutionary spiritual and social crisis of the authors of the almanac considered as protoform resolution and contemporary social contradictions.

Key words: self-consciousness of the intelligentsia, the revolution, reform society, heroism, selflessness, orthodox culture.